

Игорь ПАНОЧИШЕН

Случаи из жизни

Паночишен Игорь Васильевич, родился 18 февраля 1961 года в старинном (основан в 1421 году) молдавском городе Бельцы. В самом начале 1970-х вместе с родителями переезжаю в Одессу. Продолжаю учиться в школе. Потом прохожу срочную службу в армии. После армии в 80-е годы хожу по морям и океанам нашей прекрасной планеты. В 90-е учусь в Одесском государственном университете им. И.И. Мечникова. И после его окончания более 15 лет являюсь государственным служащим.

Свой первый рассказ написал в 12 лет. Первые публикации относятся к 2011 году. Первый опубликованный рассказ вышел в 2017 году в альманахе «Дерибасовская – Ришельевская».

Лида

«Начало августа 1943 года. Белгород. Город постоянно переходит из рук в руки... Ежедневная стрельба... Бомбёжка... Ужас! Ужас!.. Страшно! Страшно!.. — начинает вспоминать Лида. — В 1941-м мне было шестнадцать. В мае перед войной умерла мама. Отец — железнодорожник, научивший меня «Отче наш», коммунист... Его хотели сдать немцам наши соседи... Мы сбежали и перебрались в квартиру в брошенном доме, на самой крайней улице города. В квартире немного мебели, над плитой, на красивой, лощеной бумаге, висел портрет Гитлера, оставшийся от сбежавших жильцов...»

К нам часто приходил сорокалетний немецкий офицер Отто. Он охотно общался со мной, потому что я хорошо знала немецкий.

Никаких заигрываний. Отто вёл себя достойно, и разговоры были короткие. Он говорил про то, что не хочет воевать, и про то, что у него в Германии остались жена и дети: мальчик и девочка... Но хитрость была присуща немцам. Через доверительные отношения можно было легко узнать о наличии партизан в доме. Немцы боялись только партизан, а в лесах вокруг их было очень много...

В очередной визит, когда разговор шёл хорошо, Отто неожиданно восклицает:

— Рус это г...!

— Зачем же вы сюда шли?!

— 23 июня 1941 года на Германию должен был напасть Сталин, — ответил офицер.

— Нет! Нет! Не может быть! — чуть не раскричалась от такого заявления немца. Он прекращает разговор, прощается и уходит. Мы поругались...

Наутро пришёл незнакомый немецкий солдат. Он постучал в дверь. Я его впустила. Солдат прошёл в квартиру и сел на скамейку в комнате. Я стою у окна. Молчание затянулось минут на пять. Первым его прервал солдат и, указав на изображение фюрера, произнёс: «Это надо убрать. Завтра здесь будут русские. Они за портрет вас расстреляют».

Солдат встал и покинул дом. Вечером отец сжёг изображение в печке. На следующий день действительно пришли русские... Только тогда я поняла, что немецкий солдат пришёл предупредить нас об опасности по поручению Отто.

Приход своих я испытала на себе сразу. В первый же день русский офицер предложил мне пойти с ним на кровать...

— Как вам не стыдно! — сказала ему. И он тут же разбил моё лицо...

Надежда

Мы вышли из промежуточного лагеря, как только прервалась связь с разведочной группой. В состав нашего поискового отряда входили четыре человека. И ещё с нами попросился идти мой давний друг — опытный полярик. Я не мог ему отказать. В пропавшей группе была его молодая жена-геолог...

Погода не баловала. Над нами висели сизые тучи, и от этого белый лёд приобретал угрюмый сероватый оттенок. Было очень холодно, дул сильный ветер, кружило и метало снег...

Чем ближе мы подходили к месту предполагаемого исчезновения разведчиков, тем больше ухудшалась погода... Поднялась метель...

Вскоре разразился снежный буран...

Мы старались идти так, чтобы видеть друг друга. Я первым наткнулся на замёрзшее тело. Оно почти полностью было замечено снегом. Это была жена моего друга. Это была его Саша. Под заледенелой рукой у неё на груди лежал геологический планшет. В нём — карта и письмо...

Справа от меня донёсся крик, что найдены замёрзший... Я коротко помолился о душе погибшей и, забрав планшет, засыпал тело снегом...

Буран не затихал ни на минуту. Из пятёрки пропавших мы нашли троих. (Я не сказал о молодой женщине.) Дальнейшие поиски были бессмысленны, и мы повернули к лагерю. Напор встречного ветра был такой силы, что иногда казалось, будто мы не идём, а просто топчемся на месте.

Сколько мы шли — я не помню... Стихия смешала всё: время, расстояние и людей...

Нас осталось двое. Идущий рядом часто падал. Я поднимал его. И громко, насколько позволял ветер, опять и опять повторял, как заклинание:

— На очень горячий огонь ставим кастрюлю пресной воды. Всыпаем полторы ложки кухонной соли. Сухое пшено аккуратно перебираем на фарфоровой тарелке. В кипящей воде растворяем две большие ложки бараньего жира. И засыпаем пшено. Варим до готовности. Перед окончанием варки добавляем полную ложку ароматных специй. Снимаем с огня и даём каше настояться... Потерпи... Ещё немного — и подкрепимся...

Друг, реагируя на мой бред, хоть немного держался на ногах.

Что до дальнейшей судьбы Отто: он остался жив и вернулся домой с войны. Жил в ФРГ и умер в 1982 году. Сегодня живы его внуки...

В 1946-м я приехала из разбитого Белгорода в Одессу и с изумлением спросила у родственницы:

— Тётя, а здесь война была?

— Конечно, была!.. — ответила она.

С той поры живу здесь. Всю жизнь проработала портнихой в военном ателье. На параде 1947 года близко видела маршала Жукова и слышала произнесённую им фразу по поводу оторвавшегося хлястика...

В конце 1970-х умер мой старший брат Василий. Он сбил девять вражеских самолётов, и Калинин лично в Кремле вручал ему орден Красной звезды...

В 1984-м скончался мой муж Владимир, орденосец за Сталинград и Кенигсберг, инвалид войны, получавший 36 рублей пени...

В 1995-м наш единственный сын Павел пропал без вести...

Оставшись одна, Лида — Лидия Безсонова — ослепла, став инвалидом I группы. Ей 91 год, и она по-прежнему живёт в Одессе.

— Года берут, — вздыхает Лидия. — Всё ещё хочется пожить... Можно жить, и земля здесь, как масло... Только чтоб власти не воровали!..

P. S. Недавно узнал, что летом 2016 года Лидия Митрофановна Безсонова умерла.

Что осталось после неё в этом мире? Кто знает? Может быть, ничего... Но нет! Остались в памяти несколько куплетов «Лили Марлен», душевно исполненные мне на прощанье, остались добрая память о человеке да вот эта горстка воспоминаний, что лежит перед вами.

— Спасибо, брат! — слышу его слабый голос. Слезы катятся из его глаз. Он снова падает в снег...

Мы сбившись с пути. И брели наугад сквозь снежную бурю по бескрайнему льду суровой Антарктиды, теряя последние силы, но не теряя надежды на спасение...

Буран ослаб.

Друг упал в очередной раз. Силы оставили и меня.

— Сейчас будем есть, — закрыв глаза, шептал я. — Слышишь, брат, сейчас будем есть...

Он молчал. Не двигался и я... И в этот миг, собрав оставшиеся силы, я прохрипел:

— Брат!.. Тебе письмо... от неё...

Он шевельнулся. И с трудом приоткрыв залепленные снегом глаза, увидел в сером небе над нами ярко горящую зелёную сигнальную ракету.

Простите

Культурный мальчик едет в театр. Мальчику лет девять. Рядом с ним сидит мама с кошёлкой в руках. Возле них на полусогнутых ногах стоит старенький пассажир с тросточкой. В салоне маршрутки душно. Машину на ухабах трясёт. До театра — с учётом дорожных работ — ехать минут тридцать.

Мама делает вид, что «не видит» старичка. Ей делают замечание:

— Возьмите пацана на руки! Уступите место пенсионеру!

— Ничего: постоит! Не маленький! — огрызается женщина.

Чтобы к ней не приставали, она demonstra-

тивно открывает кошёлку и начинает кормить своё чадо. Сыр, хлеб, копчёное мясо, бананы, мандарины, конфеты... Корзинка бездонна. Продуктов на всю дорогу. Но старичку ничего не светит: ни колбаса, ни место. Мальчик ест всё. Потом запивает еду «Кока-колой», громко икает и впадает в сон.

Приближаясь к театру, женщина достаёт из корзины большущий треугольник торта с кремовыми розами. У дедушки даже мелькнула шальная мысль, что это ему «за стойкость». Он начал подумывать, как бы ему повежливей отказать, но кусок ушёл в ладони ещё сонного сына.

В этот момент маршрутка резко притормозила. Пассажиры колыхнулись вперёд, цепляясь друг за друга, обрываясь и падая.

Дедуля крепко схватился за вертикальный поручень. При этом захватил палкой по затылку мамаша. Та хотела ответить, но влипла лбом в водительскую кабину. А пацан по уши воткнулся в бисквит.

— Какого ты здесь встал?! Блин! — наехала на деда отлипшая от кабины мамаша. — Старый хрыч!..

Дверь открылась. Пожилой человек вышел. Он был подавлен. И, опустив голову, поплёлся по старой улочке куда-то вверх. Шёл неосознанно, просто механически переставляя ноги. «Неужели я не заслужил большего, чем эта оценка? — думал он. — Вот такая грубая, хамская, бесцеремонная... Данная мне человеком, который не знает ни меня, ни моего жизненного пути... Пренебрегшим порядочностью и уваже-

нием к возрасту... Неужели так можно? Неужели эта огрубевшая женщина считает, что седина и морщины обойдут её голову, а молодость и здоровье будут вечны?.. Неужели заостренное невежество, избрав её своей жертвой, продолжает жить в этом перевёрнутом мире?..»

— Де-душ-ка! Де-душ-ка! Де-душ-ка! — услышал он крик за своей спиной. К нему бежал тот самый мальчик из маршрутки. Его лицо и рубашка были испачканы кремом. Он, запыхавшись, подбежал к старику.

— Дедушка!.. Простите меня!.. Простите мою маму!.. — сказал он с дрожью в голосе. — Простите нас!.. Если можете...

И слёзы потекли из его глаз.

Часы

Как быстро летит время. С того дня прошло несколько лет. Мы живём в одном городе, но ни разу нигде не встречались. Иногда спрашиваю себя: «А хочу ли я встречи?» И отвечаю: «Скорее, да...» Но чем дальше уходит тот день, чем дольше не вижу её, тем чаще задаюсь вопросом: а было ли это вообще?..

Тогда стояли первые числа октября. Осень позолотила листву, и налетающий ветер безжалостно срывал её на землю. Днём ещё было тепло, но к вечеру наполнился холод. От этого становилось зябко и неуютно. В один из тех дней я был гостем на дне рождения родственницы. В уютной компании собрались свои. Единственной незнакомкой среди нас оказалась тётиная подруга, которая пришла с опозданием. Я сразу обратил на неё внимание. Высокая, стройная, красивая. С длинными ухоженными волосами и тёмными блестящими глазами. Кожа её лица была гладкой и не имела ни одной морщины. Мы обменялись короткими взглядами, и она присоединилась к разговору гостей. За окнами быстро опустился вечер. Было туманно. Через час красавица засобиралась уходить и неожиданно для меня попросила провести её домой, неподалёку. Я согласился. Она была весела и уверенно взяла меня под руку. Кажется, мы говорили о погоде и в разговоре подошли к её дому. Войдя в квартиру, я узнал, что в ней живёт ещё одна симпатичная девушка-блондинка.

Моя спутница меня представила и провела в свою просторную комнату. Здесь ничего лишнего. Минимум мебели, на стене — большие часы. Всё лежало на своих местах и напоминало морской порядок. (Точно-точно, она упоминала, что работает на пассажирском лайнере где-то за границей.)

— Располагайся, — по-домашнему сказала она. — Можешь включить телевизор или посмотреть журналы. Я приму душ и скоро вернусь.

Всё это было мне знакомо, волнительно-сладко и таинственно. Я сел в кресло. Ещё раз глянул на часы. И принялся перелистывать глянецовые журналы. Вскоре моя знакомая вернулась в комнату в мягком банном халатике. Из-за этого она не утратила своей красоты, а даже наоборот, стала ещё более привлекательной и манящей. Сквозь полы халата виднелись её обнажённые стройные ноги. Дурманила её раскрепощённость.

Она предложила выпить шампанского. Я налил шипящий напиток в хрустальные бокалы. Они звонко прозвенели в тишине комнаты. Я вновь присел в кресло. Она переместилась ко мне на колени. Я испытал новые чувства, свойственные только мужчине. После нескольких глотков полусладкого вина она прошептала: «Можешь взять меня...»

И я, взволнованный и опьянённый всем происходящим, взял её поверх халата за грудь. Она заулыбалась. Ещё удобней расположилась на моих коленях и нежно прошептала: «Котёнок!»

Приблизив ко мне своё красивое лицо, она мягко коснулась моих губ своими упругими губами. Её страстный поцелуй впиался в меня всё глубже и глубже. Меня охватил небывалый жар, и голова закружилась от счастья. Поцелуй проваливал в бездну. Он был таким сладким, возбуждающим, вольным, но таким продолжительным, что мысли мои начали возвращаться в действительность, и я открыл глаза. Я увидел цифры на часах, неумолимо показывающие время, и осознал, что городской транспорт уже не ходит. Мало того, что домой придёт идти пешком, так дома нужно будет вступить в нежелательные объяснения...

Почувствовав моё беспокойство и охлаждение, она открыла глаза и спросила: «Тебе неприятно?»

Отрицая это, я, как телёнок замотал головой. «Почему же ты целуешься с открытыми глазами?» — нежно спросила она. Я что-то стал придумывать в ответ. Дух романтики начал исчезать, и я твёрдо решил уйти. И никакие заманчивые предложения не могли меня остановить...

Быстро шагал я холодными и пустынными улицами. Я даже не смаковал пережитое наслаждение. Была какая-то смесь чувств, в которых давило одно: как объяснить дома, где я был до такого позднего часа... (Дома всё обошлось.)

На следующий день я с необычайной яркостью вспоминал всё. Вновь заиграло воображение. Забурлила кровь от того, что было, и от того, чего не было. Меня тянуло к этой красавице, и я решительно пришёл к

ней через неделю. Она не ожидала этого визита. Приветливо встретила, но была очень сдержанна. Угостила чаем и конфетами. Разговор не шёл, не получался, чувствовалась скованность, и я засобирался уходить. Поцеловав меня на прощанье, она сказала: «Приходи попозже...»

Так и получилось. Я действительно смог прийти к ней только в конце мая. Уже было солнечно и тепло. Ярко и зелено. И повсюду цвели цветы. Приближаясь к её дому, моя душа замирала и волновалась всё больше. Становилось томительно-жарко от предстоящей встречи. Ко всем этим радостным чувствам добавлялось ещё одно: я был свободен. У меня начались каникулы, и я перешёл в десятый класс. А моей красавице исполнилось 35...

Дверь дома открыла симпатичная блондинка, которая была старше меня на десять лет. Она, приветливо улыбаясь, сообщила, что соседка будет через недельку. И в случае моего прихода попросила вместе с поцелуем передать её записку. Блондинка, исполняя поручение, жарко поцеловала меня в губы. Я вышел из квартиры в восторге. Всё это вновь вскружило мою голову, и я готов был бежать по небу. С нежностью я прижимал записку к сердцу, целовал её и улыбался. Воображал невесту что. Был на седьмом небе. И торопился домой. Дома я сел у окна за секретер и, хотя на улице было светло, включил настольную лампу. Моё сердце замирало от волнения. Внутренне ликуя от счастья, я развернул записку.

Она была короткой: «Мой милый мальчик! Ты снег, которого не будет».